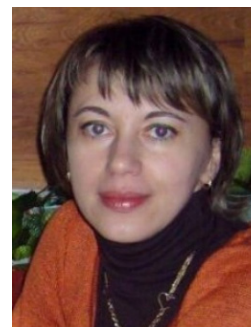

Д. С. ЛИХАЧЕВ: ЭКОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА

РЫЖОВА Светлана Валерьевна
кандидат культурологии,
доцент кафедры иностранных языков для инженерных направлений
Сибирского федерального университета
Красноярск, Россия
Svetlana V. RYZHOVA
Cand. Sci. (Theory and History of Culture), Assoc. Prof.,
Department of Foreign Languages for Engineering Science
Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russia
rsv67x@mail.ru

Истоки формирования личности и научных интересов Дмитрия Лихачева

The Origin of the Formation of Personality and Scientific Interests of Dmitry Likhachev

В статье анализируются субъективные и объективные факторы, повлиявшие на мировоззрение и становление научных интересов Дмитрия Лихачева, а также причины востребованности его учения. Личность ученого сформировалась в контексте высших проявлений российской культуры, научного мышления и поиска. Классическое образование, общественно-политические взгляды и сфера научных интересов позволили сделать Лихачеву значительный вклад в развитие отечественной культуры. Идеологическая цензура советского государства не смогла предотвратить «народнения новой интеллигенции» в стране, а Лихачев стал ее духовным лидером. Ученый зарекомендовал себя как безупречно честный человек, обладающий незапятнанным научным авторитетом. Поэтому его воззвания в защиту тех или иных культурных ценностей, равно как и протест против той или иной формы варварства, воспринимались большинством современников как воплощение исторической справедливости.

Ключевые слова: Дмитрий Лихачев, вклад, представитель, научные интересы, учения, личность, русская культура, историческая справедливость.

In the article the subjective and objective factors which influenced Dmitry Likhachev's world view and helped to form his scientific interests are analyzed. It also explains why his heritage are in demand nowadays. The personality of the scientist was formed in the context of the highest expressions of the Russian culture and scientific research. Due to his classical education, social and political views and scientific interests Likhachev has made a significant contribution to the development of national culture. Ideological censorship of the Soviet state could not prevent the «springing up of a new intelligentsia» in the country, and Likhachev became its moral leader. The scientist has proved himself as a perfectly honest person with unblemished scientific authority. Therefore, Likhachev's contemporaries felt his appeal in defense of particular cultural values as the embodiment of historical justice as well as his protest against one or another form of barbarism.

Keywords: Dmitry Likhachev, contribution, representative, scientific interests, teachings, personality, Russian culture, historical justice.

Каждая культура создает тип человека, чье поведение предопределено системой культурных кодов, тем не менее, каждый человек обладает определенной свободой выбора своей модели поведения, в результате реальная человеческая жизнь многомерна и противоречива.

Председатель Российского фонда культуры, дважды лауреат Государственной премии, Герой Социалистического труда, ученый, общественный деятель, исследователь древнерусской литературы, текстологии, действительный член Российской Академии наук, почетный член восьми зарубежных академий и университетов Дмитрий Сергеевич Лихачев пережил все, что пережила Россия в прошлом столетии. Ученый был всегда в резонансе со своим временем, что нашло адекватный ответ в его индивидуальной биографии [5, с. 6].

Принимая во внимание полученное классическое образование и личную одаренность Д. С. Лихачева, о нем можно сказать, что он был личностью, сформировавшейся в контексте высших проявлений российской культуры научного мышления и поиска. Д. С. Лихачев был наглядно выраженным «старорежимным» человеком, вышедшим из дореволюционной дворянско-интеллигентской среды и сохранившим верность духовно-нравственному кодексу этой среды.

Особую роль в социально-культурном становлении личности играют детство и молодость, период формирования ценностных позиций и интересов. Детство Д. С. Лихачева пришлось на короткую пору в истории русской культуры, названную Серебряным веком. Критик С. К. Маковский в воспоминаниях «На Парнасе Серебряного века» определял тип культуры этой поры как «стремление к запредельному», «искание высшей правды», как «мятежное, богоищущее, бредившее красотой» искусство.

Ранние годы Дмитрия Сергеевича проходили в атмосфере праздника, благодаря увлечению родителей мариинским балетом. С четырехлетнего возраста он посещал театр. Любовь к классической музыке сохранилась у него на всю жизнь. Живое общение с молодежно-артистической средой, в которую входили многие знаменитые художники, актеры, писатели оставило яркое воспоминание о детстве.

Летом семья обычно снимала дачу в Куокалле (с 1948 г. Репино) – небольшой дачный поселок на побережье Финского залива в 42 км от Санкт-Петербурга. Жила там преимущественно творческая интеллигенция: И. Е. Репин, К. И. Чуковский, Ф. И. Шаляпин, В. В. Маяковский, М. Горький и другие известные деятели культуры и искусства. Дачи укрепляли здоровье, способствовали развитию оптимизма и интереса к людям.

Многое в своих энциклопедических гуманитарных интересах Лихачев объяснял творческой ролью школ, в которых он обучался. Сначала Дмитрий учился в Гимназии Человеколюбивого Общества (1914 – 1915), потом – в гимназии и реальном училище К. И. Мая (1915 – 1917), в школе имени Л. Лентовской (1918 – 1923). Уже перешагнув восьмидесятилетний рубеж, Д. С. Лихачев писал, что человека создает средняя школа, высшая дает специальность. Несмотря на тяготы революционного времени и на значительные материальные трудности, талантливым педагогам удалось создать в учебных заведениях атмосферу сотрудничества учителей и учеников. В школах действовали кружки, на заседания которых приходили известные ученые и литераторы. Это время для Д. С. Лихачева связано с началом серьезных размышлений над мировоззренческими вопросами и продумыванием собственной философской системы.

Частые споры и поощрение собственного мнения в школе приводили к стремлению сохранять самостоятельность во вкусах и взглядах. «Учитель словесности» Л. В. Георг, обладавший «всеми качествами идеального педагога», оставил в мировоззрении Дмитрия значительный след умением «ценить искусство по-европейски» [3, с. 141]. Увлекаясь разными художниками, писателями, поэтами, композиторами, Георг научил замечать «недоделки» в самых известных произведениях живописи, скульптуры, музыки, поэзии, делая это так, что интерес учеников к искусству только возрастал. Именно Л. В. Георг определил филологический путь Лихачева.

Большую роль в формировании представлений Дмитрия Лихачева о России, о фольклоре, о деревянной архитектуре, о красоте русской северной природы сыграла двухнедельная школьная экскурсия по Мурманской

железной дороге в Мурманск, возвращение на паровой яхте в Архангельск вокруг Кольского полуострова по Белому морю, затем на пароходе по Северной Двине до Котласа. «Путешествовать нужно по родной стране как можно чаще. Школьные экскурсии устанавливают и добрые отношения с учителями, вспоминаются потом всю жизнь» [3, с. 133].

Немаловажную роль в становлении ученого-гуманитария сыграло избрание его отца заведующим электростанции Первой государственной типографии и переезд на казенную квартиру при типографии, что обусловило раннее знакомство Дмитрия с издательским и типографским делом.

Большое значение для будущего филолога имело пребывание в доме Лихачевых уникальной библиотеки известного литератора И. И. Ионова. Дмитрий увлекся чтением, его заинтересовали «...редчайшие издания XVIII века, собрания альманахов, дворянские альбомы, роскошнейшие юбилейные издания Данте, издания Шекспира и Диккенса на тончайшей индийской бумаге, рукописное «Путешествие из Петербурга в Москву».

Период 1920-х годов в истории советской культуры был, несмотря на диктаторский, милитаристский стиль управления ею со стороны коммунистической партии, временем расцвета. Вместе с политикой НЭПа появилась своеобразная формула «равновесия»: культурный плюрализм в условиях политической диктатуры.

Начавшиеся репрессии против интеллигенции не помешали расцвету гуманитарных наук в стране. Выбрав филологию своей будущей профессией, Д. С. Лихачев поступает на этнолого-лингвистическое отделение факультета общественных наук Петроградского университета, который оканчивает написанием двух дипломных работ: «Шекспир в России в XVIII веке» и «Повести о патриархе Никоне». Д. С. Лихачев отмечал, что Ленинградский университет в 1920-е гг. по гуманитарным наукам был лучшим в мире. «Такого созвездия ученых – литературоведов, лингвистов, историков, востоковедов, какое представлял собой Ленинградский университет в 20-е гг., не было в мире» [3, с. 153]. Там он прошел солидную школу у профессоров В. Е. Евгеньева-Максимова (работа с рукописями), Д. И. Абрамови-

ча (древнерусская литература), В. В. Введенского (логика), В. М. Жирмунского (поэзия), В. В. Виноградова, В. Ф. Шишмарева, слушал лекции Б. М. Эйхенбаума, В. Л. Комаровича. Занимаясь на пушкинском семинаре профессора Л. В. Щербы, освоил методику «медленного чтения», из которой впоследствии выросли его идеи «конкретного литературоведения». Из философов, оказавших на него в то время влияние, Дмитрий Сергеевич выделял «идеалиста» С. А. Аскольдова. В то время Лихачев мало знал о действительных заслугах Аскольдова перед русской культурой. В ученом его восхищало умение спорить при людях, не боясь уронить свое достоинство и достоинство того, с кем спорили.

Свое будущее Д. С. Лихачев всегда связывал с наукой. Одна из родственниц Дмитрия Сергеевича утверждала: «Для него единственной профессией, которую мог выбрать приличный человек, была научная деятельность. Вся его жизнь была посвящена одной цели, причем с ранней юности» [2, с. 184]. К древнерусской литературе Дмитрий Сергеевич обратился еще в университете, считая ее мало изученным художественным явлением в литературоведческом отношении. «Кроме того, Древняя Русь интересовала меня и с точки зрения познания русского национального характера. Перспективным мне представлялось и изучение литературы и искусства Древней Руси в их единстве. Очень важным казалось мне изучение изменений стилей в древней русской литературе. Мне хотелось создать характеристики тех или иных эпох вроде тех, что имелись на Западе – особенно в культурологических работах Эмиля Золя» [3, с. 152-153].

На последних курсах Дмитрий Сергеевич подрабатывал в Книжном фонде на Фонтанке, составляя библиотеку для Фонетического института иностранных языков (так называет в своих воспоминаниях Д. С. Лихачев Фонетический институт практического изучения иностранных языков, располагавшийся по адресу Невский пр., 13. В то время институтом руководил специалист по английской фонетике Семен Карлович Боянус – прим. С. Р.). Здесь Д. С. Лихачев столкнулся с подбором редких книг, реквизируемых из частных собраний, невосстребованных новым строем. Именно тогда Д. С. Лихачев впервые проникся пониманием тра-

гических судеб культурного наследия в свете политических событий. Не случайно первые студенческие научные работы Д. С. Лихачева были обращены к культурному наследию России–Руси: официальная дипломная работа Лихачева была написана о Шекспире в России 18 в., вторая «неофициальная» – о патриархе Никоне.

Культурная и интеллектуальная жизнь России того времени происходила на фоне массовых преследований, арестов и расстрелов. Достигнутое после завершения гражданской войны «мирное сосуществование» различных социокультурных течений и культурно-политических тенденций оказалось недолгим. С конца 1920-х гг. в стране преследуется любой плюрализм, под лозунгом консолидации культурных сил распускаются литературные и художественные группировки, научные и философские общества. Область «дозволенного» в культуре ограничивалась борьбой с буржуазной идеологией, пережитками дореволюционного прошлого, религией.

Гонения на Церковь приводили к усилению религиозности среди образованной молодежи. Литературно-философские кружки, существовавшие до 1927 г. в Ленинграде, стали приобретать религиозно-философский характер. Д. С. Лихачев в двадцатые годы посещал кружок Хельфернак («Художественно-литературная, философская и научная академия»), заседания проходили на квартире преподавателя И. М. Андреевского. В 1927 г. кружок преобразовали в Братство святого Серафима Саровского.

Свободная философия и религия становились запретными, неофициальными. Результатом участия в кружках стал арест Дмитрия Сергеевича Лихачева в 1928 г. и отправка в Соловецкий лагерь особого назначения – СЛОН, «второй и главный университет» ученого. Помимо создания «контрреволюционной организации», его обвиняли за научный доклад, критиковавший советскую реформу русской орфографии.

Соловецкий монастырь, основанный преподобными Зосимой и Савватием в XIII в., в 1922 г. был закрыт и превращен в лагерь, где отбывали срок до 650 тысяч заключенных, из них 80% составляли политические ссыльные и «контрреволюционеры».

В лагере будущий академик работал пильщиком, грузчиком, электромонтером, коровником, жил в бараке в антисанитарных условиях, умирал от тифа. «Я не мог поверить, что кошмар этот происходит наяву» [3, с. 193]. Перенести трудности помогала молитва, поддержка друзей. Благодаря помощи епископа Виктора (Островидова) и протоиерея Николая Писканского, ставшего на Соловках духовным отцом Д. Лихачева и его товарищей по братству святого Серафима Саровского, удалось уйти с изнурительных общих работ в Криминологический кабинет, занимавшийся организацией детской колонии. На новой работе появилась возможность много сделать для подростков, проигравших в карты всю одежду с себя, живших в бараках под нарами и обреченных на голодную смерть. В Трудколонии будущий ученый анкетировал подростков, изучая язык, «менталитет» воровского мира, русскую криминальную культуру. Из этих записей и наблюдений родились первые научные труды Лихачева – статья «Картежные игры уголовников», работа «Черты первобытного примитивизма воровской речи» [4].

Укрепив свое общественное положение на Соловках, Дмитрий Сергеевич помогал вывозить из Пересыльного пункта многих представителей интеллигенции, обреченных на медленное уничтожение.

В заключении Лихачев общался с такими людьми как А. А. Мейер, Ю. Н. Данзас, Г. О. Гордон, П. Ф. Смотрицкий, В. С. Раздольский, А. А. Пешковский, В. Ю. Короленко, Э. К. Розенберг, Г. М. Осоргин. С ними он прошел школу «взаимообучения» [3, с. 190]. Общение со старшими людьми из интеллигенции оказало значительное влияние на формирование мировоззрения Д. С. Лихачева. Он не проходил с ними курсы, но знакомился с их жизненным опытом и получал разнообразные сведения из разных областей науки, философии и поэзии. «Если бы все можно было записать, – какие великолепные беседы, дискуссии, просто споры, рассказы, рассуждения были бы сохранены для русской культуры» [3, с. 297].

Высоким образцом духовности и оптимизма для Д. С. Лихачева стал владыка Виктор Островидов, который символизировал

своими поведением и судьбой подвижничество и мученичество православного духовенства, репрессированного советской властью.

В беседах с Александром Мейером на Соловках Д. С. Лихачев пришел к мысли, с которой через шестьдесят лет в 1989 г. выступил в Гамбургском Национальном обществе относительно необходимости положить в основу экологии как науки идею предшествования целого части. Экология как наука, по мнению ученого, должна, прежде всего, изучать взаимосвязь всего в мире. Мир как целое и мир как Слово, как идея. Человек ответственен за разрушения взаимосвязей в мире – материальных, духовных. Эту мысль Д. С. Лихачев положил в основу своей концепции Предвозрождения на Руси и книги «Поэзия садов», где стили в садово-парковом искусстве отождествил со стилями культуры (Готика, Ренессанс, Барокко, Рококо, Классицизм, Романтизм, Реализм...). В пределах сходных идей развивались его литературоведческие взгляды, понимание действительности и понимание человеческой культуры. «Восприятие мира формируется всю жизнь, и характер его отчетливо сказывается как в научной методологии, так и в научном поведении» [3, с. 300].

Наблюдая за антиномичностью русского национального характера, ярко манифестируемой различными слоями общества в Соловецком лагере, Д. С. Лихачев никогда не идеализировал «русское» и не принижал его. Наряду с открытостью русского человека он отмечал его замкнутость, наряду со щедростью – жадность, рядом со свободолобием – рабскую покорность.

Поручение составить опись икон Соловецкого Музея много дало будущему ученому для понимания древнерусского искусства. «Многие иконы, которые теперь хранятся в Музее в Коломенском, мне знакомы, например, большая византийская икона, которую называли «Нерушимая скала». Был там и «Нерушимый Спас» Симона Ушакова и др. Все это я рисовал и писал на бумаге из школьных тетрадей...» [3, с. 274]. Д. С. Лихачев окончательно укрепился в своем научном интересе к отдаленному прошлому русской культуры.

Позже Дмитрий Сергеевич писал, что пребывание на Соловках было для него одним из самых значительных периодов жизни.

Судимость и подорванное на Соловках здоровье долго мешали устройству Лихачева на работу. Культурно-политическая линия советской власти данного периода характеризовалась декретивными запретами в отношении печати, научных и философских обществ, культурно-просветительных и художественных мероприятий, а также введением политической цензуры Главлита. Культурное, классическое наследие для большевистской идеологии утратило свою актуальность, воспитательную ценность, поскольку оно не служило фундаментом для построения социалистического общества, оказывая политическое, социальное, идеологическое воздействие, противоположное политике партии. Вернувшись в родной город, Д. С. Лихачев отметил «настоящее оскудение мысли в Ленинграде, ... все жили в одиночку, боялись говорить и даже думать» [3, с. 396].

В должности научного корректора Издательства АН СССР Д. С. Лихачев начал работу в Академии наук в 1934 г. Как корректор Дмитрий Сергеевич участвовал в подготовке к печати второго тома «Трудов Отдела древнерусской литературы» (1935) – издания, важного для развития отечественной медиевистики, снискавшего мировую известность во многом благодаря тому, что с одиннадцатого тома и до пятьдесят второго Д. С. Лихачев являлся его ответственным редактором.

Чтение книг Библиотеки Академии наук способствовало дальнейшему формированию мировоззрения ученого. Важным являлось и то, что среди его коллег было много высокообразованных людей – А. В. Сулов, родственник жены Ф. М. Достоевского, технический редактор Л. А. Федотов, будущий известный скандинавист М. И. Стеблин-Каменский. «Общение с ними было великой школой. Как важно выбирать своих знакомых, и главным образом среди людей выше тебя по культурному уровню» [3, с. 411]. Корректорское дело создало интерес к проблемам текстологии, дало много полезной информации по изданию книг.

В Институте русской литературы (Пушкинском Доме), когда Д. С. Лихачеву поручили написать главу о литературе XI – XIII вв., он правил и переписывал ее много раз от руки. «Я читал текст вслух и про себя, отрывками

и целиком, проверял кусками и логичность изложения в целом» [3, с. 414]. Результатом был большой успех и приглашения участвовать в разных изданиях. Позже Д. С. Лихачеву удалось выработать свой особенный стиль. А. А. Гуссейнов говорит о манере его письма: «...Тексты Лихачева, как, впрочем, и его исследовательские труды, читаются легко. Этому, конечно способствует ясность языка, еще больше эссеистская манера рассуждения. Автор часто апеллирует к личным наблюдениям, конкретным узнаваемым фактам и произведениям, непринужденно переходит от предмета к предмету; он пишет так, будто ведет непринужденную беседу. Вся эта мозаика на первый взгляд случайных фактов, воспоминаний, ассоциаций складывается в стройную картину, организованную вокруг определенной идеи» [1, с. 28-29]. Это высказывание точно соответствует восприятию публикаций Д. С. Лихачева. Читатель «распознает» в них то, что либо знал в несколько ином виде, либо ощущал интуитивно.

Работа Д. С. Лихачева над подготовкой к печати курса лекций по древнерусской литературе Академика А. С. Орлова в значительной мере определила его дальнейшую судьбу. Участие президента Академии наук А. К. Карпинского помогло Дмитрию Сергеевичу снять судимость и остаться в Ленинграде. Научную работу Дмитрий Сергеевич начал в Отделе древнерусской литературы Пушкинского Дома в 1938 г., когда во главе его стояли А. С. Орлов и В. П. Адрианова-Перетц, с которой у Д. С. Лихачева установились тесные научные и дружеские отношения.

Годы войны были тяжелым испытанием для Дмитрия Сергеевича и всей его семьи. По состоянию здоровья он не был отправлен на фронт и до июня 1942 г. оставался в блокадном Ленинграде. Будучи голодным, постоянно замерзая, он не оставлял занятий наукой, создавая исследования, которые приобретали характер антифашистских агитационных брошюр или практических инструкций для бойцов. Это книга «Оборона древнерусских городов», написанная в соавторстве с искусствоведом М. А. Тихановой (1942), статьи «Военное искусство Древней Руси» (1943), «Национально-героические идеи в архитектуре Ленинграда»

(1944), «К вопросу о теории русского государства в конце XV и в XVI вв.» (1944).

О том периоде Д. С. Лихачев вспоминал так: «Человеческий мозг умирал последним. Когда переставали действовать руки и ноги, пальцы не застегивали пуговицы, не было сил закрыть рот, кожа темнела и обтягивала зубы, мозг продолжал работать...» [3, с. 490]. Интересно, что «бескомпромиссные противники коммунизма» сегодня пытаются поставить в вину Д. С. Лихачеву написание во время блокады книги «Оборона русских городов». Эта брошюра раздавалась солдатам в окопах. Д. С. Лихачева обвиняют сегодня в том, что он выполнил данную работу по заказу Ленинградского обкома партии. На самом деле Д. С. Лихачев никогда не брал заказы, противоречащие его убеждениям.

На разных этапах советской истории руководители партии и государства находили объекты для идеологической борьбы среди самых неординарных и талантливых. Попытки отстраниться от политики рассматривались как контрполитика. Существуют концепции, представляющие Д. Лихачева не функционером «системы» и не ее оппонентом, а как бы «вне ее» [2, с. 9]. С этим нельзя согласиться. На практике выход из «системы» всегда означал переход на службу иной системе. «Казалось бы, после всех бедствий занятие древнерусской литературой – идеальное убежище, в котором он мог укрыться от всех треволнений мира. Однако не получилось» [2, с. 387], – писал Д. Гранин. Занимаясь древнерусской литературой, Д. Лихачев постоянно чувствовал себя в опасности. Сотрудник отдела пушкиноведения Пушкинского Дома Л. Лотман вспоминала: «Постоянная готовность превратить спор или литературную полемику в политические обвинения и обилие «доброхотов», готовых сфабриковать такое обвинение, угнетали» [2, с. 100].

Послевоенное время запомнилось Д. С. Лихачеву постоянными «проработками». «Проработки» 30–60-х гг. входили в определенную систему уничтожения Добра, были – в какой-то мере – тенью показательных процессов конца 30-х годов и учитывали их «опыт». Они были видом расправы с учеными, писателями, художниками, реставраторами, театральными работниками

и прочей интеллигенцией» [3, с. 527]. Одной из задач публичных «проработок» было сломить непокорность, волю, стремление к собственному мнению. Дмитрий Сергеевич как высоко нравственная личность, соперяживая обвиненным товарищам, решался на выступления, противоречившие партийным установкам, по этой причине неоднократно сам был в роли «прорабатываемых». Очень хорошо раскрывает этот аспект ситуации С. С. Аверинцев. Он вспоминает, что неизменно встречал со стороны Д. Лихачева постоянную готовность помочь ему в конфликтных ситуациях с официозной идеологией: «Готовность эта была неутомимой, а в ряде ситуаций должна быть без преувеличения названа отважной». «...И были случаи, когда я твердо знал, что единственным представителем академического мира, к которому мне можно обратиться, – это он, больше не к кому. А это наперед опровергает любые попытки тривиализировать его общественное поведение» [2, с. 177].

Даниил Гранин заметил, что судьбу Д. С. Лихачева можно изобразить как цепь репрессий: «Одна несправедливость следует за другой. А, кроме того, ужасы ленинградской блокады, эвакуации, семейные потери. Несчастья настигали его, но не они определяли его облик» [2, с. 382]. По мнению Д. Гранина, тяжкие испытания не лишили Д. С. Лихачева благородства, напротив: «За многие годы нашего общения я не помню, чтобы он кого-то поносил, кому-то завидовал, льстил властям, искал компромиссов, даже во имя «интересов дела» [2, с. 381].

Избрание Д. С. Лихачева в 1970 г. действительным членом Академии Наук СССР упрочило его положение в Пушкинском Доме. Он становится одним из самых авторитетных в мире ученых. С этого времени у Д. С. Лихачева появилась возможность содействовать развитию Сектора древнерусской литературы, а позже направить свою деятельность на сохранение лучших памятников отечественной культуры.

Дмитрию Сергеевичу было не просто полюбить новый режим. Его внучка З. Ю. Курбатова вспоминала, что Д. С. Лихачев называл революцию «несчастьем», рассказывал о разрушении ею прекрасного мира. Д. С. Лихачева

упрекали в том, что он остался жив. Но смысл жизни не обязательно заключается в борьбе с властью и в политической жизни. Есть ценности такие как: радость семьи, удовольствие от работы, наслаждение познанием. Здесь Дмитрия Сергеевича можно определить как создателя.

В научной работе, в мировоззрении, в повседневном поведении Д. Лихачев оставался интеллигентом, человеком культуры, патриотом, исследователем, мыслителем-гуманистом, носителем традиции. С. С. Аверинцев вспоминал: «Для меня Дмитрий Сергеевич был, прежде всего, последним представителем культурной формации, знакомой по старым книгам, но в его лице являвшейся с повсечасной естественностью...в нем было вправду естественно то, что было бы несносным, стилизованным в другом; он по праву законного наследника завершал путь целого культурного круга» [2, с. 181].

Как деликатному человеку Дмитрию Сергеевичу тяжело было противостоять бесцеремонности некоторых посетителей. Его пытались привлечь к всевозможным проектам и партиям. Жанр интервью ученый не любил из-за чрезвычайно однообразного перечня вопросов. Действительно интересные вопросы задавались редко. Так, например, вопрос о потерях, которые понесла культура за минувшее столетие, заданный корреспондентом одной из японских газет в начале 1999 года, совпал с размышлениями Дмитрия Сергеевича над этой проблемой. Его тревожила «дегуманизация человеческого общества», проявлявшаяся на самых разных уровнях, – это сокращение количества часов на гуманитарные дисциплины в школе (не только в России), «свертывание» программ по истории литературы на гуманитарных факультетах вузов, идеи упрощения правил орфографии, которые обрывали связи с историей родного языка. Волновали масштабные националистические движения, равнодушие к состоянию памятников культуры, легкость, с которой мировое сообщество пошло на бомбардировки Сербии, поставив под угрозу существование уникальных храмов с фресками XIV – XVII вв., собраний рукописных книг, икон. Одно из самых резких интервью американскому радио было посвящено этой теме.

Некоторые политические вопросы для Дмитрия Сергеевича представляли интерес в качестве исторической проблемы. Например, полемика по поводу законности притязаний на титул Императорского Высочества Марии Владимировны и ее сына Георгия. Считая важным восстановление исторической справедливости, академик Лихачев приветствовал возможность приезда в Россию всех родственников погибшей императорской семьи. Но в ответ на намерение предоставить одной из ветви рода Романовых особые права, он обратился к Президенту Ельцину с письмом, доказав, что по существующим законам Российской империи ни у кого из представителей этой фамилии таких прав нет: все они заключили браки, с точки зрения существующих законов, морганатические. Письмо стало одним из аргументов против готовящегося решения.

Сохранению памятников Д. С. Лихачев придавал первостепенное значение. Ученый трактовал наследие широко – это памятники архитектуры, скульптуры, садово-паркового искусства, исторические некрополи, музейные, библиотечные, архивные собрания. Под деятельностью по сохранению наследия понимается как работа профессионалов (искусствоведов, реставраторов, хранителей), так и общественная работа краеведов и общественных групп по всей России.

Дмитрий Сергеевич во многих случаях сам организовывал, в других поддерживал экспедиции по разысканию и собиранию в различных районах страны исторических источников – старинных русских книг. Академик сыграл важную роль в спасении крупнейшего в мире собрания русских рукописей и хранилища мировых рукописных сокровищ – Отдела рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (РНБ – Российская национальная библиотека).

Особо стоит отметить роль Д. С. Лихачева в создании Всероссийского общества охраны памятников в середине 60-х гг. прошлого столетия. В объекты его заботы входили: Невский проспект в Петербурге; подмосковные усадьбы (в первую очередь Мураново и Шахматово); фрески Ковалева, Болотова, Нередицы в Новгороде; Воронцовский дворец

в Алушке; Лесковицы в Чернигове; парки в Петергофе, Пушкине, Гатчине, Павловске, Выборге; озеро Байкал; направление течения рек в Сибири, Средней Азии; научные библиотеки, рукописные собрания, состояние запасников музеев. Большинство акций ученого оказались успешными. «Не буду рассказывать всего того, что мне довелось пережить, защищая от сноса Путевой дворец на Средней Рогатке, церковь на Сенной, церковь на Мурино, от вырубок парки Царского Села, от «реконструкций» Невский проспект, от нечистот Финский залив и т. д., и т. п. Достаточно посмотреть список моих газетных и журнальных статей, чтобы понять, как много сил и времени отнимала у меня от науки борьба за чистоту русской культуры» [3, с. 546].

Дмитрий Сергеевич доказал, что перестройка Невского проспекта губительна для русской культуры. Благодаря выступлениям ученого в защиту сохранения поэтического облика Екатерининского парка в Пушкине, он стал объектом охраны общественности. Академик помог сохранить Земляной вал вокруг Новгорода. Ему обязаны сохранением многие храмы и церкви. Во времена правления в Ленинграде Романа академик Лихачев открыто боролся за сохранение храма Спаса-на-крови, который хотели уничтожить как «не гармонирующий с основными архитектурными тенденциями города». Вместе с другими учеными, писателями В. Распутиным, В. Беловым выступал против глобального проекта экологически неграмотных чиновников – «поворота северных рек». Дмитрий Сергеевич всегда использовал свое высокое положение академика для спасения культурных памятников, для развития культуры, науки, считал своим долгом помогать нуждающимся в поддержке и заступничестве.

О взаимоотношениях Д. С. Лихачева и власти в эпоху перестройки существуют разные мнения. Для самого Д. Лихачева период перестройки был порой надежд. В общественной деятельности ученый, прежде всего, выступал в защиту культуры и природы, говорил об этом так: «Я заставляю себя выступать, чтобы прозвучал хотя бы один голос. Пусть люди знают, что кто-то протестует, что не все смирились» [2, с. 383].

28 ноября 2016 г. исполняется 110 лет со дня рождения Дмитрия Сергеевича Лихачева. Его заслуги перед прошлым и перед будущим России бесспорны. Академик Д. С. Лихачев выделяется, как масштабом своих

работ, так и особым нравственным, гражданским стержнем; ученый значительно обогатил науку; наследие ученого имеет важное значение для различных сфер гуманитарного знания.

Использованная литература:

1. Гусейнов А. А. Культурология Дмитрия Лихачева: коммент. к кн. Д. С. Лихачева «Избранные труды по русской и мировой культуре». СПб.: СПбГУП, 2006.
2. Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии / сост. и отв. ред. Е. Г. Водолазкин. СПб.: Logos, 2002.
3. Лихачев Д. С. Избранное: воспоминания. 2-е изд., перераб. СПб.: Logos, 1997.
4. Лихачев Д. С. Статьи ранних лет. Соловецкие записи 1928 – 1930. Картежные игры уголовников. Черты первобытного примитивизма воровской речи. Арготические слова профессиональной речи. Тверь: Обл. отд. Рос. Фонд Древней Руси, 1993.
5. Рыжова С. В. Культурологическое наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева: монография. Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2013.

References:

1. Guseynov, A. A., *Kul'turologiya Dmitriya Likhacheva: kommentarii k knige D. S. Likhacheva «Izbrannye trudy po russkoy i mirovoy kul'ture»* (Culturology of Dmitry Likhachev: Comments to the Book by Dmitry Likhachev «Selected Works on Russian and World Culture»), Saint Petersburg: Sankt-Peterburuskiy Gumanitarnyy universitet profsoyuzov, 2006.
2. *Dmitriy Likhachev i ego epokha: Vospominaniya. Esse. Dokumenty. Fotografii* (Dmitry Likhachev and His Epoch: Memories. Essays. Documentation. Photos), Vodolazkin, E. G., Ed., Comp., Saint Petersburg: Logos, 2002.
3. Likhachev, D. S., *Izbrannoe: vospominaniya* (Selected Works: Memories), Saint Petersburg: Logos, 1997, 2nd ed.
4. Likhachev, D. S., *Stat'i rannikh let. Solovetskie zapisi 1928-1930. Kartezhnye igry ugolovnikov. Cherty pervobytnogo primitivizma vorovskoy rechi. Argoticheskie slova professional'noy rechi* (Articles of the Early Years. Solovki Records (1928-1930). Card Games of the Criminals. Features of Primeval Primitivism of the Thieves' Speech. Argotic Words of Professional Speech), Tver: Oblastnoe otделение Rossiyskogo Fonda Drevney Rusi, 1993.
5. Ryzhova, S. V., *Kul'turologicheskoe nasledie Dmitriya Sergeevicha Likhacheva* (Cultural Heritage of Dmitry Sergeevich Likhachev), Krasnoyarsk: Sibirskiy federal'nyy universitet, 2013.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Рыжова, С. В. Истоки формирования личности и научных интересов Дмитрия Лихачева [Электронный ресурс] / С. В. Рыжова // Наследие веков. – 2016. – № 3. – С. 17-23. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/09/2016_3_Ryzhova.pdf. (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Ryzhova, S. V., *Istoki formirovaniya lichnosti i nauchnykh interesov Dmitriya Likhacheva* (The Origin of the Formation of Personality and Scientific Interests of Dmitry Likhachev), *Nasledie Vekov*, 2016, no. 3, pp. 17-23. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/09/2016_3_Ryzhova.pdf. Accessed Month DD, YYYY.